

С. В. Воробьев

**ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА
КОММУНИСТОВ УРАЛА В НАЧАЛЕ 1920-х гг.:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МАССОВЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

Важным и необходимым этапом источниковедческой работы историка является сравнительный анализ источников по изучаемой проблеме, который позволяет сопоставить имеющиеся документы по различным параметрам: вид источников, степень сохранности в архивных фондах, информационная насыщенность, степень достоверности и полноты в освещении исторических явлений и процессов. В результате компаративный подход позволяет выявить наиболее ценные и адекватные источники по теме исследования, дает возможность их комплексного использования с целью максимально полной и всесторонней реконструкции исторической действительности. В частности, это относится и к *социальному портрету коммунистов начала 1920-х гг.* Категория «социальный портрет» предполагает анализ определенной общности людей, отличающихся от других индивидов некоторым специфическим набором черт и признаков. Изучение социального портрета коммунистов начала 1920-х гг. как комплекса взаимосвязанных признаков требует привлечения широкого круга источников. Наряду с традиционными видами источников необходимо привлечение документов массового характера. Именно этот путь, связанный с введением в научный оборот массовых источников по истории коммунистической партии, представляется наиболее перспективным с исследовательской точки зрения.

В статье предпринята попытка сравнительного анализа такого массового источника, как первичные материалы партийной переписи 1922 г. и других партийных источников массового характера, с позиций их достоверности, полноты и информационного потенциала. Подбор источников для такого анализа наталкивается на определенные трудности, поскольку сопоставимых материалов, относящихся к периоду начала 1920-х гг., имеется немного. Подходящими источниками для подобных сравнений могут стать несколько видов документов: личная учетная карточка ком-

муниста в партийной ячейке, личный листок ответственного работника, заполнявшийся в ходе переписи членов партии в 1921 г., а также характеристики на ответственных работников различных уровней, присылавшиеся в ЦК РКП(б) с мест.

В начале 1920-х гг. центральным партийным аппаратом, а именно Учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б), наиболее ценными источниками информации о коммунистах руководящего звена признавались два последних из перечисленных выше: личный листок переписи ответственных работников 1921 г., дающий «основные формальные сведения и сообщения о перемещениях», а также характеристика на ответственных работников¹. Вопросу достоверности сведений данных документов со стороны ЦК придавалось большое значение, так как на их основании производилось назначение членов партии на различные должности. Но достоверность характеристик Учетно-распределительным отделом ЦК партии оценивалась как крайне низкая: отмечались их формализм, бессодержательность и субъективизм со стороны лиц, составлявших характеристику. В результате делался вывод о том, что из тех характеристик, которые получил отдел, «больше половины... для практических целей мало пригодны или вовсе непригодны»². С данным выводом о сомнительности сведений, представленных в характеристиках, можно согласиться. В качестве иллюстрации приведем пример характеристики подобного рода, присланной на коммуниста в Учетно-распределительный отдел ЦК РКП(б): «Хороший организатор и агитатор. В партии состоит сравнительно недавно и в этом отношении еще не успел себя проявить. Энергичен и выдержан. Зарекомендовал себя с лучшей стороны». В трех строках секретарь губкома ухитрился нагромоздить ряд противоречий: «хороший организатор», хотя «не успел себя проявить», но «зарекомендовал себя с лучшей стороны»³.

Неудовлетворительное содержание характеристик на ответственных работников было обусловлено отсутствием их официально разработанной и установленной формы, в которой четко и недвусмысленно указывалось бы, какие обязательные пункты и положения необходимо изложить в отношении характеризуемого человека. В итоге качественный уровень документов полностью зависел от компетентности и наблюдательности дающего ее партийного руководителя. В связи с этим при обращении к данному историческому документу как источнику по изучению социального портрета членов РКП(б) исследователю необходимо проявлять осторожность и не принимать многие его свидетельства как истинные. Выстроенные на его основании представления о коммунистах начала 1920-х гг. будут весьма спорными и шаткими. Относительно вольная форма составления характеристик не позволяет нам говорить и об удовлетвори-

тельной полноте данного исторического источника, который является весьма ограниченным по набору признаков в сравнении с переписными бланками партийной переписи 1922 г., имевшими к тому же строго установленную форму.

Кроме первичных материалов партийной переписи 1922 г., для изучения состава партии можно использовать упоминавшиеся выше личные учетные карточки членов партии, их личные дела, а также анкеты делегатов партийных съездов. Однако все они имеют существенный недостаток по сравнению с бланками переписи – содержат небольшое количество вопросов, что затрудняет полноценную реконструкцию социального портрета коммуниста, а также не позволяют проследить динамику его изменения. Другим существенным недостатком учетных карточек и личных дел коммунистов являлось то, что они имелись далеко не на всех членов партии. Подобное положение было связано с плохим качеством текущего учета в партийных организациях. Можно привести конкретные примеры по уездам Екатеринбургской губернии. Результаты проверки Красноуфимского укома РКП(б) в январе 1923 г. показали отсутствие в нем личных карточек членов партии, «в личных делах о выполняемой т.т. партийной работе учета не ведется», и вообще материалы учетного характера «далеко не полны»⁴. В Верхотурском уезде ситуация была еще более плачевной: «Как общее правило, во всех волкомах нет никаких дел и даже основного списка членов организации»⁵. Таким образом, учетные карточки и личные дела как исторические источники не являются достаточно репрезентативными для реализации цели исследования. Они предоставляют исследователю неполную, отрывочную информацию, на основании которой очень проблематично делать достоверные выводы.

В рамках источниковедческого анализа оценка полноты данных исторического источника тесным образом связана с выявлением его информационного потенциала. Поэтому необходимо оценить информационный потенциал анкет партийной переписи 1922 г.; сравнить, если это возможно, информационную насыщенность исследуемого источника с другими массовыми источниками, содержащими аналогичные сведения социального-биографического характера о членах РКП(б) этого периода.

Во время партийной переписи 1922 г. заполнялось шесть различных видов бланков. В исследовательском плане самый интересный и богатый носитель информации по изучаемой проблеме – бланк А, личный переписной бланк члена партии. Переписной бланк А включает в себя весьма обширный перечень вопросов, затрагивающих самые разнообразные стороны жизни опрашиваемого. Изучение этих вопросов дает возможность проследить жизненный путь коммуниста на всех его этапах и в

разных аспектах, что позволяет реконструировать всесторонний социальный портрет члена коммунистической партии.

Статотдел ЦК РКП(б) отмечал, что бланк А выгодно отличается от обычных анкет, по которым определить социальные параметры опрашиваемого очень трудно. Переписной бланк составлен таким образом, что в «нем содержится ряд взаимодополняющих друг друга вопросов, по которым личность опрашиваемого может быть вполне точно отнесена к тому или иному классу»⁶.

Бланк А состоит из 59 пунктов, многие из которых включают несколько вопросов. В бланке можно выделить блоки вопросов, близких друг другу по тематике. Более половины вопросов организованы в виде таблиц (всего их 6).

Первый блок вопросов (1–3) касается партийной ячейки опрашиваемого коммуниста: ее название, местонахождение, при какой организации создана ячейка.

Следующая группа вопросов (4–11) относится непосредственно к личности опрашиваемого: имя, пол, возраст, разговорный язык и т. д. Особого внимания заслуживает вопрос о религиозных убеждениях. Член партии должен был ответить, верующий он или нет; если нет, то с какого возраста.

Следующий блок вопросов бланка (вопр. 12, табл. I) касался образования членов партии. Выяснялось, грамотен ли опрашиваемый или нет, а также устанавливалось качество его образования: в каких учебных заведениях учился, сколько лет, окончил ли школу.

Далее в бланке идет таблица II «Социальное и национальное происхождение» (вопр. 17–20). В ней подробно рассматриваются социальные корни члена партии: требовались сведения не только об отце и матери, но также о деде с отцовской стороны; выяснялось, являлись ли они «эксплуататорами» или существовали за счет собственного труда. Таким образом, в основу установления социального происхождения коммуниста из той или иной социальной группы закладывались определенные объективные критерии, а не только мнение самого опрашиваемого.

Большой блок вопросов анкеты посвящен трудовой деятельности члена партии: в период до 1917 года (21–23) и после — табл. III «Рабочий и служебный стаж с 1917 года до настоящего опроса» (24–32). Здесь трудовая деятельность коммуниста рассматривается в динамике: от ее начала до момента переписи. Это позволяет установить, изменил ли опрашиваемый свой социальный статус по сравнению со своими родителями, менял ли он его в течение своей жизни.

Табл. IV «Партийный стаж» (вопр. 34–39) давала значительный объем сведений о партийном пути члена РКП(б). Во-первых, можно было уз-

нать, вступил ли он сразу в ряды партии большевиков или до этого являлся членом других партий; если был, то с какого по какой период времени; когда перешел в партию большевиков. Во-вторых, выяснялось являлся ли он в данной партии активным членом или нет, какую занимал позицию в партийной иерархии. Все это позволяло выработать соответствующее отношение к выходцам из других партий.

Табл. V «Революционный стаж» (вопр. 40–41) дает нам ценные сведения о практической политической активности члена партии в дореволюционные годы, о его революционном багаже. В таблице представлен широкий перечень форм борьбы – от мирных (экономическая, политическая стачка) до наиболее радикальных (вооруженное восстание). Здесь же содержится информация о количестве таких случаев, а также об участии коммуниста в работе партийных конференций и съездов.

В переписном бланке уделяется также внимание культурным потребностям члена партии, его участию в общественной жизни (43–44): читает ли газеты и журналы, какие именно, как часто, где читает, участвует ли в работе профсоюза.

В бланке А обращается внимание и на военную службу члена партии (табл. VI). Особый интерес представляют следующие вопросы: в какой армии служил (царской, белой, зеленой, красной), в каком воинском звании, а также продолжительность службы и степень участия в боевых действиях.

Важное значение имеет последний (59-й) вопрос бланка А. Он выясняет связь рабочего или горожанина с деревней, сельским хозяйством, а также характер этой связи (личный труд, денежная помощь).

Сравним теперь информационную насыщенность переписного бланка А и ряда других источников. В первую очередь можно оценить информационный потенциал статистического источника «второго» уровня. Таким источником являются статистические сборники по партийной переписи 1922 г. По результатам переписи было издано пять сборников. Первые три выпуска появились в 1922 г., четвертый в 1923, пятый — в 1924 г.⁷ Их публикацию осуществлял Статотдел ЦК РКП(б). Первые три сборника составлены по единому плану и включают в себя следующие сведения: общее количество парторганизаций и коммунистов по губерниям и областям, число членов партии с группировкой по партийному стажу, число членов партии с группировкой по образовательному цензу, выходцы из других партий.

Во втором сборнике, кроме того, имеется приложение, в котором представлены графики по 71 губернии и области по следующим темам: социальный состав РКП, социальный состав вступивших в РКП в различные периоды. Третий выпуск содержит те же таблицы, что и первые два

выпуска, по 24 губерниям и областям, а также общую сводку по всей партии. Сюда же добавлена сводная таблица «Число ячеек и коммунистов по уездам». Общая сводка составлена только по двум признакам: социальное положение, партийный стаж.

В четвертый сборник внесены итоги предварительной разработки переписи по следующим проблемам: общее количество партийных организаций и коммунистов (по районам, областям и республикам); численность коммунистов по типам ячеек; группировка членов РКП по партстажу, образованию, бывшей принадлежности к другим партиям (по районам, областям, республикам).

Пятый статистический сборник имеет единую тематическую направленность. Он рассматривает национальный состав партии в различных аспектах. Сборник включает в себя 33 таблицы и 2 графика.

Таким образом, в статистические сборники вошли материалы по следующему кругу вопросов: местонахождение ячейки и ее тип; общее количество партийных организаций и число коммунистов в них; партийный стаж коммуниста; членство в других партиях; социальное происхождение, род занятий в момент опроса; образование, пол, возраст, национальность. Из 59 вопросов, содержащихся в бланке А, только 8 нашли отражение в итоговых статистических сборниках. Данные по остальным вопросам переписного бланка (за исключением вопроса о национальности, которому был посвящен отдельный выпуск статистического сборника) в состав сборников вообще не были включены. Следовательно, в статистических таблицах содержится гораздо меньший объем информации, чем это было заложено в программе переписи, а значит, и зафиксировано в переписном бланке. С этой точки зрения статистические сборники не дают полноценной базы для реконструкции социального облика членов РКП(б) начала 1920-х гг.

По степени информационной насыщенности с первичными документами партийной переписи 1922 г. (конкретнее – с бланком А) в какой-то мере сопоставимы личные листки учета коммунистов – ответственных работников. Хотя количество вопросов в последних более чем в два раза меньше (личный листок учета состоит из 27 пунктов). Так же как бланк А, он содержит блок вопросов относительно биографических данных опрашиваемого. Во многом эти вопросы совпадают, но есть и отличия. В личном листке учета не так глубоко, как в личном переписном бланке, рассматриваются социальные корни члена партии. В нем нет вопросов о социальном положении деда, отца, матери партийца, их месте в системе экономических отношений (например: хозяин с наемными рабочими, хозяин-одиночка). Блок вопросов по профессиональной деятельности в листке учета тоже меньше по сравнению с переписным бланком: отсутст-

вуют вопросы о возрасте; когда началась трудовая деятельность; и характере этой работы (по найму, в своем хозяйстве). Вопрос о революционной деятельности не позволяет выяснить конкретные формы участия в ней члена партии и не дает их количественного выражения.

В личном листке учета ответственных работников отсутствуют вопросы, затрагивающие ценностные установки коммунистов (об отношении к религии, о желании учиться, о чтении литературы). Экономические характеристики члена партии в переписном листке также нашли слабое отражение: отсутствуют вопросы о размере заработной платы, экономических связях с деревней.

Необходимо высказать еще одно замечание, касающееся составления личного листка учета ответственных работников. Его вопросы составлены не совсем профессионально с точки зрения социологических процедур: они страдают нечеткостью формулировок, имеют недостаточную структурированность (дополнительные подвопросы даются строчкой через запятую), что могло вызывать такую же нечеткость и произвольность в ответах. Приведем конкретный пример вопросов, касающихся военной службы. В личном листке учета есть два таких вопроса: 1) Служил ли в армии? 2) Участвовал ли в военных действиях, в какой войне? Такая постановка позволяет опрашиваемому коммунисту дать на последний вопрос следующий ответ: «В гражданской войне», не уточняя при этом, на чьей стороне. В то время как в переписном бланке А есть конкретный вопрос: «В какой армии служил?» и варианты ответа: «В царской армии», «В белой армии», «В Зеленой армии», «В красной армии». В данном случае вопрос, поставленный в такой конкретной формулировке, не оставляет шансов уйти от однозначного ответа.

В то же время в личном листке учета ответственных работников содержится ряд вопросов, представляющих интерес при изучении социального портрета члена РКП(б), но отсутствующих в бланке А. К числу таких вопросов относятся следующие: «Какие местности РСФСР хорошо знает? Привлекался ли к судебной ответственности перед судами РСФСР (за что, когда, приговор)? Привлекался ли к партсуду (за что, когда, приговор)? Теоретическая подготовка (марксистская)». В целом же сопоставление личного листка учета и переписного бланка А показывает, что последний обладает более высокими информационными достоинствами, позволяя всесторонне и исчерпывающе осветить социальный портрет коммуниста начала 1920-х гг.

Рассматривая проблему полноты источников по интересующей нас теме социального портрета коммуниста, нельзя не затронуть такой немаловажный аспект, как репрезентативность рассматриваемых источников. Могут ли выводы, полученные в результате изучения сохранившегося

количества документов определенного источника (выборочная совокупность), распространяться на весь источник (генеральную совокупность), а если брать шире – насколько адекватно будут охарактеризованы та или иная проблема, явление, процесс и т. д., изучаемые на основе данного источника? Ибо нас при изучении массового источника интересует в первую очередь не то особенное и индивидуальное, что заключено в том или ином единичном документе, а его способность отразить типичное, закономерное в исследуемом историческом явлении. Таким образом, репрезентативность в данном случае является одним из критериев научной ценности, значимости исторического источника.

Относительно репрезентативности характеристик членов партии можно сказать следующее. В изучаемый исторический период характеристики составлялись главным образом на членов партии, занимающих ответственные должности, а не охватывали всю партийную массу. В распоряжении ЦК РКП(б) к концу 1922 г. имелось 3 120 характеристик⁸, в то время как в партии насчитывалось около 400 тыс. членов. Анализ характеристик позволяет получить представление о правящем слое партии, хотя не совсем полное и не всегда объективное. Тем не менее эти характеристики как исторический источник не несут информации об основной массе коммунистов. В связи с этим проблема их репрезентативности может рассматриваться только в отношении руководящего сегмента, а не всей коммунистической партии.

Личные листки текущего учета имелись в гораздо более массовом масштабе. Такая форма регистрации членов партии была к началу 1920-х гг. уже устоявшейся практикой и являлась базой партийного учета, поэтому в количественном плане данный массовый источник намного объемнее, чем характеристики ответственных работников. В то же время необходимо учитывать особенности изучаемого периода. Как указывалось нами выше, партийный аппарат на местах в начале 1920-х гг. находился еще в стадии формирования, в связи с чем органы, ответственные за ведение учета, или совсем отсутствовали или выполняли свои обязанности неудовлетворительно. Строгая система учета партийных кадров в губернии отсутствовала как до проведения партийной переписи, так и после ее окончания. В начале 1923 г. представитель губкома провел инспекцию Красноуфимского укома и по результатам обследования сделал следующее заключение: «Алфавитные карточки по учету членов [партии] только вводятся, учета на вышедших и исключенных... не ведется. Ведомость перемещения членов организации... не ведется. В личных делах о выполняемой т.т. (товарищами. – С. В.) парторботы не ведется... К качественному учету членов организации только что приступают по имеющимся материалам в укоме, которые, надо сказать, далеко не полны»⁹. Схожая ситуация наблюдалась в Верхотурском укоме: «Как общее

правило, во всех волкомах нет никаких дел и даже основного списка членов организации»¹⁰. В остальных уездах губернии положение с учетом членов партии находилось примерно на таком же уровне. Исходя из этого, можно сделать вывод, что личные листки учета заполнялись не на каждого члена партии, а из имевшегося массива не все сохранились до настоящего времени. Поэтому мы имеем дело не со сплошной совокупностью, а скорее всего перед нами так называемая *естественная выборка*. Доказательство репрезентативности подобной выборки в сравнении со случайной выборкой требует от исследователя более серьезных затрат времени и является сложной и трудоемкой математико-статистической операцией¹¹. Поэтому в случае, когда имеется альтернативный источник, содержащий все единицы генеральной совокупности или большинство из них, имеет смысл воспользоваться им.

В отношении первичных материалов партийной переписи 1922 г. вопрос о репрезентативности практически не стоит, так как это было сплошное статистическое исследование, охватившее всех членов партии и проводившееся на территории не только РСФСР, но и других советских республик. Переписью были охвачены члены партии, находившиеся не только на их территории, но и за границей. К тому же все материалы переписи сохранились в архиве в полном объеме до настоящего времени.

Нельзя говорить об абсолютной достоверности материалов переписи членов партии, так как в основе формирования данного массового источника лежал субъективный фактор – информация личного характера, полученная от конкретного человека. «На самом деле, – отмечает авторитетный специалист-источниковед Ю.П. Бокарев, – ни один массовый источник не может быть абсолютно достоверным или репрезентативным»¹². С другой стороны, мы можем отметить относительно высокую степень достоверности данного исторического источника. Сравнительный анализ массовых источников по истории РКП(б) начала 1920-х гг., позволяющих осуществить реконструкцию социального портрета коммуниста, со всей определенностью показывает, что наиболее приемлемым и полноценным с точки зрения достоверности, полноты и репрезентативности являются материалы партийной переписи 1922 г. В первую очередь это относится к личному переписному бланку А. В исследовательском плане он является самым интересным и богатым носителем исторической информации по изучаемой проблеме. Этот исторический источник содержит очень обширные и разнообразные сведения, позволяющие проанализировать социальные, демографические и культурные характеристики членов партии. В связи с этим он стал базовым историческим источником нашего исследования. Однако данный подход ни в коей мере не исключает привлечения для изучения поставленной проблемы других массовых и традиционных источников.

- ¹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 13. Л. 95 об.
- ² Там же.
- ³ Там же. Л. 96.
- ⁴ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 475. Л. 1 об.
- ⁵ Там же. Л. 6.
- ⁶ Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 1. М., 1922. С. 5.
- ⁷ См.: Там же. Вып. 1–5. М., 1922–1924.
- ⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 13. Л. 95 об.
- ⁹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 475. Л. 1 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 6.
- ¹¹ См.: Славко Т.И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981. С. 76.
- ¹² Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: Проблемы источниковедения советской истории. М., 1994. С. 304.